

УДК 343.72

**ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ МОШЕННИЧЕСКИМ ОБМАН СУДА,
ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ ДЛЯ ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА
ИЛИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА НА НЕГО?**

Вячеслав Геннадиевич Пономарев

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, ponomarev@volsu.ru

Аннотация. Развитие экономики, усложнение системы хозяйственных связей, увеличение объема нормативного регулирования не могут не отражаться на состоянии преступности в стране. Прежде всего это проявляется в количестве совершаемых преступлений, среди которых традиционно преобладают преступления против собственности. Однако, помимо сугубо количественных изменений, изменяется и качество преступности. В сфере криминальных посягательств на чужую собственность это проявилось в появлении новой формы хищения, характеризующейся злоупотреблением преступником правом на судебную защиту, когда чужое имущество (право на него) отнимается посредством судебного постановления. Вынесения последнего преступник добивается, фактически обманывая суд. Согласно современным тенденциям судебной практики, такие посягательства квалифицируются по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации «Мошенничество».

Однако такое правоприменительное решение противоречит принципу законности, основано на расширительном толковании ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, не может быть мошенничеством обманное воздействие на иных лиц, помимо собственника (законного владельца) похищаемого имущества, и при этом в условиях полного понимания потерпевшим криминального характера происходящего. Нельзя в полной мере признать обманным указанный способ хищения и потому, что адресатом обманного воздействия является должностное лицо (судья), специально уполномоченное противодействовать такому обману и обязанное быть готовым к нему психологически и профессионально.

Следовательно, борьба с такими посягательствами должна осуществляться не за счет расширения сферы применения ст. 159, а путем дополнения гл. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации запретом новой формы хищения.

Ключевые слова: расширительное толкование, обман суда, мошенничество, форма хищения, фальсификация доказательств, судебная практика, юридический источник права

Для цитирования: Пономарев В. Г. Является ли мошенническим обман суда, используемый для хищения чужого имущества или приобретения права на него? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 203—212.

**IS A DECEPTION OF THE COURT
USED TO STEAL OTHER PERSON'S PROPERTY
OR ACQUIRE THE RIGHT TO IT FRAUDULENT?**

Vyacheslav Gennadiyevich Ponomarev

Volgograd State University, Volgograd, Russia, ponomarev@volsu.ru

Abstract. Economic development, the growing complexity of economic relations, and the increasing quantity of normative regulation make their contribution to the crime situation in the country. It is primarily demonstrated by the number of crimes committed, traditionally dominated by property crimes. However, beyond purely quantitative changes, the quality of crime is also changing. In the sphere of criminal encroachments on someone else's property, a new form of theft has appeared, characterized by the criminal's abuse of the right to judicial protection, when someone else's property (or the right to it) is seized by a court order. The criminal achieves such result by effectively deceiving the court. According to existing judicial practice, such encroachments are classified under Article 159 "Fraud" of the Criminal Code of the Russian Federation.

However, this law enforcement decision contradicts the principle of legality. It is based on a broad interpretation of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. Specifically, deceptive influence on persons other than the owner (legal possessor) of the stolen property, even if the victim understands the criminal nature of the incident in detail, can't constitute a fraud. Such method of theft also can't be recognized as a deceptive one because the recipient of the deceptive influence is an official (a judge) specifically authorized to counter such deception and to be prepared for it psychologically and professionally.

Consequently, to fight such encroachments is not to expand the scope of Article 159, but to add a prohibition on this new form of theft to Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: broad interpretation, deception of the court, fraud, form of theft, falsification of evidence, judicial practice, legal source of law

For citation: Ponomarev V. G. Is a deception of the court used to steal other person's property or acquire the right to it fraudulent? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 203—212, 2025. (In Russ.).

В 1970—1980-х гг. советские юристы, преимущественно цивилисты и представители общей теории права, инициировали интересную дискуссию о роли правоприменительной (в основном — судебной) практики в правовой системе СССР [1]. Ожидать каких-либо революционных выводов не приходилось, учитывая определенные политические рамки, которые были заданы науке. Однако дискуссия о роли практики с новой силой вспыхнула уже в постсоветский период развития юриспруденции. И выводы о роли практики были уже и разнообразнее, и категоричнее, включая возможность ее признания в качестве одного из юридических источников позитивного права [2].

Применительно к отрасли уголовного права оценка правотворческих возможностей судебной практики приобретает особую остроту и актуальность. Сама постановка такого вопроса обусловлена, во-первых, беспрецедентным ростом преступности, особенно экономической, а во-вторых, ее качественным изменением, ввиду чего законодатель, очевидно, не поспевает запрещать те формы человеческого поведения, которые обладают необходимым для их криминализации уровнем общественной опасности. Реакцией же практики является завуалированное судебное правотворчество, осуществляемое при рассмотрении конкретных дел с применением инструментов аналогии уголовного закона или его расширительного толкования и призванное восполнить неполноту Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ).

В настоящее время и в общей теории права, и в отраслевой юридической науке активно исследуется феномен злоупотребления правом как правонарушающего поведения особого типа, связанного не с очевидным нарушением правовых предписаний, а с использованием субъективного права не в соответствии с его назначением и даже

вопреки его целям [3]. Последний тип правонарушения неочевиден, трудно выявляется, поскольку внешне похож на вполне правомерное поведение, а по форме и является таковым. Универсальная санкция за любое злоупотребление правом сформулирована в пп. 2—4 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)¹. Но практика свидетельствует о ее явной недостаточности для тех, в частности, ситуаций, когда с помощью использования права на обращение в суд инициатор такого обращения (истец, административный истец, заявитель) преследует цель не защитить свое нарушенное право, а извлечь выгоду и получить преимущества для себя или третьих лиц, включая и цель получить право на чужое имущество. В данном случае реализующее право на обращение в суд лицо лишь имитирует конфликтную ситуацию и эксплуатирует гражданский (арбитражный, административный) процесс в своих противоправных целях.

Однако есть ли у уголовного закона адекватная реакция на такой вид поведения, явно сопоставимый по своей опасности с ненасильственными формами хищения? Поскольку возбуждение гражданского дела на основании имитационного иска влечет за собой переход к стадии судебного разбирательства, то для достижения противоправных целей инициировавшее псевдоспор лицо обычно представляет суду сфальсифицированные доказательства. И, на первый взгляд, возможной госу-

¹ В настоящей статье, если не оговорено иное, доступ ко всем упомянутым в ней нормативным правовым актам, актам официального нормативного толкования норм права, судебным актам, принятым судами общей и арбитражной юрисдикции при рассмотрении конкретных уголовных и гражданских (арбитражных) дел, осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

дарственной реакцией на противоправный имитационный спор, целью которого для его инициатора выступает получение права на чужое имущество в результате вынесения судебного решения по делу, является оценка действий инициатора спора по ч. 1 ст. 303 УК РФ, устанавливающей (в числе прочего) ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому, административному делу, совершенную лицом, участвующим в деле, или его представителем.

Однако, как признается единодушно отечественными криминалистами, состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 303 УК РФ, является формальным [4—6]. Следовательно, те негативные последствия, которые наступают для ответчика, иного участвующего в деле лица либо даже лица, не привлеченного к участию в деле, от факта вынесения незаконного решения, основанного на сфальсифицированных доказательствах, находят за «границами» указанного основного состава УК РФ и требуют самостоятельной оценки. На первый взгляд, определенным выходом может быть ч. 3 ст. 303 УК РФ, предусматривающая ответственность за такую разновидность фальсификации, которая влечет тяжкие последствия. Вывод о том, что данные последствия являются квалифицирующим признаком для обоих основных составов фальсификации, помещенных в чч. 1 и 2 ст. 303 УК РФ и различающихся между собой, прежде всего, по виду судопроизводства, подтверждается и официальной интерпретационной позицией Верховного Суда Российской Федерации. В частности, как это следует из абзаца второго п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» от 28 июня 2022 г. № 20, «ответственность за фальсификацию доказательств, повлекшую тяжкие последствия (часть 3 статьи 303 УК РФ), при наличии к тому оснований может наступать независимо от вида судопроизводства, в ходе которого совершено данное деяние». Вместе с тем в качестве примера тяжких последствий называет Пленум «причинение значимого для индивидуального предпринимателя либо коммерческой организации материального ущерба, влекущего прекращение осуществляемой ими предпринимательской деятельности либо доведение индивидуального предпринимателя или соответствующей организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся обязательствам». Учитывая, что «тяжкие последствия» являются оценочной категорией и поэтому их перечень

в принципе не может быть закрытым, причинение существенного имущественного вреда потерпевшему, вследствие вынесения судебного постановления по имитационному гражданско-правовому спору, вполне может быть разновидностью таковых. Однако такой квалификационный выход из анализируемой ситуации является отнюдь не идеальным.

Во-первых, отобрание у потерпевшего (ответчика, третьего лица, лица, не привлеченного к участию в деле) принадлежащего ему имущества через применение механизмов судебной защиты, носящей имитационно-злоупотребительный характер, по уровню общественной опасности соответствует хищению, легальное определение которого дается в п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ. Наказание же за хищение внутри каждой из его форм, закрепленных в УК РФ (ст. 158, 159—162), варьируется в рамках наиболее строгого вида основного наказания (лишение свободы): по ст. 158 — от 2 месяцев (ч. 1) до 10 лет (ч. 4), по ст. 159 — от 2 месяцев (ч. 1) до 10 лет (ч. 4), по ст. 161 — от 2 месяцев до 12 лет (ч. 3), по ст. 162 — от 2 месяцев (ч. 1) до 15 лет (ч. 4). Как видно, даже за квалифицированные виды ненасильственных хищений может быть назначено наказание до 10 лет лишения свободы, тогда как санкция ч. 3 ст. 303 предусматривает наказание только на срок до 7 лет лишения свободы, что вряд ли справедливо.

Во-вторых, фальсификация — это хотя и частый, но отнюдь не обязательный спутник тех ситуаций, когда, эксплуатируя право на судебную защиту, инициатор гражданского спора с помощью судебного постановления получает право на чужое имущество. В последнем случае применение ст. 303 УК РФ исключается в принципе.

Видимо, осознавая некоторую ущербность такого положения, правоприменение стало оценивать подобного рода случаи по ст. 159 УК РФ. Причем применение ст. 159 УК РФ к описываемым ситуациям сначала при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции районными судами получило поддержку и одобрение и проверочными инстанциями (апелляционными и кассационными), включая Верховный Суд Российской Федерации.

Примечательно в этом смысле дело № 1-2/2022, разрешенное приговором Ленинского районного суда Владивостока от 10 января 2022 г., которым Ф-ко был осужден по ч. 3 ст. 33 и ч. 1 ст. 303 УК РФ за организацию фальсификации доказательств по гражданскому делу, а также по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ — за покушение на мошенничество группой лиц по предварительному сговору, с ис-

пользованием своего служебного положения, в особо крупном размере; Ш-в — по ч. 1 ст. 303 и ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ; Кр-в — ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ. Как видно из приговора суда, арбитражным судом Приморского края было возбуждено дело № А51-1386/2014 о несостоятельности (банкротстве) ООО «ДВГСК», директором и единственным участником которого являлся Кр-в. Для установления контроля за процедурой банкротства (а в конечном счете — и для получения большинства активов предприятия) Кр-в решил сформировать фигуры «фиктивных кредиторов», права требования которых (при условии их включения в реестр требований кредиторов банкрота) сформировали бы большинство голосов от общего числа голосов других кредиторов и уполномоченных органов. Для достижения этой цели Ш-вым были подделаны документы, свидетельствующие о наличии задолженности у ООО «ДВГСК», якобы возникшей по различным гражданско-правовым обязательствам в период, предшествующий признанию его банкротом. На основании сфальсифицированных документов Ш-в изготовил заявления о включении в реестр требований кредиторов денежных требований ряда юридических и физических лиц, на основании которых в рамках дела о банкротстве № А51-1386/2014 было возбуждено несколько обособленных споров. По результатам рассмотрения данных споров Арбитражным судом Приморского края в удовлетворении требований «фиктивных кредиторов» было отказано.

Уголовное дело неоднократно рассматривалось различными судебными инстанциями, в том числе Верховным Судом Российской Федерации — в частности, определением Судебной коллегии по уголовным делам (далее — СКУД) Верховного Суда РФ первоначально вынесенное по делу кассационное определение СКУД Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 1 ноября 2022 г. в отношении Ф-ко и Ш-ва было отменено с направлением дела на новое кассационное рассмотрение. При этом основанием для отмены кассационного определения выступил исключительно факт рассмотрения дела незаконным составом суда (по протоколу судебного заседания дело рассматривалось судьями Д., Х., В., тогда как кассационное определение было подписано судьями Д., Х. и Б.). Каким-либо материально-правовым выводам (например, о неправильной квалификации действий осужденных в стадии предварительного расследования и судебного разбирательства по ст. 159 УК РФ) в обоснование отмены кассационного определения Верховным Судом РФ не полагались.

Приведенный вариант разрешения судами уголовных дел, фактическая сторона которых заключается в желании преступников «распилить» имущество обанкрочивающейся коммерческой организации с помощью механизма судебного подтверждения несуществующих требований псевдокредиторов, фабрикуемых интересантами, образует уже устойчивую тенденцию¹. В свою очередь, при анализе образующих эту тенденцию судебных решений обращает на себя внимание ряд моментов, настораживающих с точки зрения соблюдения принципа законности и, прежде всего, таких его составляющих, как запрет нести ответственность за деяние, которое не признавалось преступлением в момент его совершения (ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020)), и запрет применения уголовного закона по аналогии (ч. 2 ст. 3 УК РФ). Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, судебные органы нисколько не смущает тот факт, что при совершении описанных деяний обманному воздействию подвергается не собственник имущества, права на которое с помощью судебного акта желают получить интересанты, или лицо, имеющее в отношении этого имущества распорядительные полномочия (например, арбитражный управляющий, собрание кредиторов, комитет кредиторов), а юрисдикционный орган (суд), который вообще не является участником каких-либо материальных отношений, возникающих по поводу этого имущества. Именно этим объясняется полное отсутствие даже попытки судов (и первых, и вышестоящих инстанций) обосновать в изученных судебных актах законность применения ст. 159 УК РФ к подобным ситуациям².

Во-вторых, насколько можно об этом судить по изученным судебным постановлениям, находящимся в открытом доступе, при обосновании незаконности вынесенных по таким делам решений сторона защиты ни разу не сослалась в жалобах на неправильное применение ст. 159 УК РФ,

¹ См., напр.: приговор Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 1 марта 2019 г. по уголовному делу № 1-49/2019; приговор Калачевского районного суда Волгоградской области от 14 февраля 2023 г. по уголовному делу № 1-5/2023; приговор Прикубанского районного суда г. Краснодара от 31 марта 2022 г. по уголовному делу № 1-94/2022.

² См., напр.: апелляционное определение СКУД Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2016 г. № 56-АПУ16-7.

которое могло бы быть мотивировано тем, что адресатами упоминаемых в ней способов совершения преступления могут быть только собственник или иной законный владелец похищаемого имущества (приобретаемого права)¹. Последнее совершенно исключает квалификацию по ст. 159 УК РФ противоправного приобретения имущества или права на него, которое достигается обманом суда, не являющегося собственником, владельцем имущества, не имеющего в отношении имущества управленческих функций, а призванного разрешать конфликтные ситуации спорящих сторон. Последнее, видимо, свидетельствует об укоренении в правосознании профессионального сообщества «широкого» понимания круга адресатов мошеннического обмана, включающего в себя не только потерпевших (собственников, законных владельцев, лиц, уполномоченных управлять и распоряжаться имуществом) от хищения, но и тех государственно-властных субъектов (представителей власти), которые могут изменить юридическую судьбу похищаемого имущества, но при этом его

собственниками, законными владельцами или представителями таковых не являются.

Объективности ради надо сказать, что определенные основания для такого толкования адресатов обманных действий дает существующая редакция ч. 1 ст. 159 УК РФ, обрисовывающая признаки основного состава мошенничества — «хищения чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Как видно из определения мошенничества в ч. 1 ст. 159 УК РФ, круг тех лиц, которые могут подвергнуться обману или доверием которых можно злоупотребить, в уголовном законе не назван. Более того, и действующие руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации также не ограничивают понимание потерпевших от обмана только собственниками изымаемого имущества или уполномоченными на управление им лицами. Как, например, разъясняется в абзаце первом п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября 2017 г. № 48, «обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях... направленных на введение владельца имущества или *иного лица в заблуждение* (курсив наш. — В. П.)». Признаки «иного лица» применительно к обману в постановлении раскрыты не были. Однако при разъяснении сущности злоупотребления доверием (абзац первый п. 3 постановления) Пленум указал, что таковым может быть «использование с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или *иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам* (курсив наш. — В. П.)». Совершенно очевидно, что употребленная Пленумом в указанном постановлении формулировка позволяет отнести к таким «иным лицам» не только прямо уполномоченных на управление имуществом субъектов, но и тех лиц, которые в терминологии уголовного закона (п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ) являются представителями власти, не находясь в какой-либо связи с участниками имущественных отношений и прямо уполномочены государством рассматривать и разрешать споры о праве (суды). Во всяком случае, употребленная Пленумом формулировка — «лицо, уполномоченное принимать решение о передаче этого имущества

¹ Как видно из ранее упомянутого приговора Ленинского районного суда Владивостока от 10 января 2022 г. по уголовному делу № 1-2/2022, принимавшихся по тому же делу апелляционного определения СКУД Приморского крайсуда от 18 апреля 2022 г. № 22-1287/2022, кассационного определения СКУД Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 1 ноября 2022 г. № 77-1841/2022, кассационного определения СКУД Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 56-УД23-8-К9, кассационного определения СКУД Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 4 августа 2023 № 77-1172/2023, подсудимые (осужденные) и их защитники на разных судебных стадиях рассмотрения дела выдвигали доводы о непричастности к инкриминированным деяниям, об отсутствии событий преступлений (напр., из-за ничтожности требований к суду, в удовлетворении которых было отказано), о рассмотрении дела судом кассационной инстанции в незаконном составе и т. п. Однако сама принципиальная возможность оценки подобных действий по ст. 159 УК РФ ими не оспаривалась.

См. также: приговор Октябрьского районного суда города Новосибирска от 1 марта 2019 г. по делу № 1-49/2019, определение СКУД Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 октября 2020 г. № 77-2244/2020, определение СКУД Верховного Суда Российской Федерации от 28 июля 2021 г. № 67-УДП21-12-К8, определение СКУД Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2021 г. № 77-4082/2021, принятые по уголовному делу № 1-49/2019.

третьим лицам» — допускает отнесение к адресатам мошеннического обмана лиц обеих вышеназванных категорий.

В том, что такое описание «иного лица» является не сбоем интерпретационной техники, а вполне осознанной и последовательной позицией высшей судебной инстанции страны, убеждает (помимо тенденций практики) и изложенное в постановлении понимание момента окончания мошенничества, предметом которого является не имущество, а право на чужое имущество. По мнению Пленума (абзац первый п. 5 постановления), в данном случае преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, одним из вариантов юридического закрепления которой называется вступившее в силу принятое уполномоченным органом или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающее решение. Несмотря на пространную формулировку лица, которое может принимать правоустанавливающее решение, не вызывает сомнений, что речь здесь идет о судебном органе, поскольку только для его решений характерен период вступления в силу как гарантия обжалования таких решений лицами, не согласными с ними.

Подобная правоприменительная тенденция, основанная отчасти и на акте официального судебного толкования норм уголовного закона, находит свою поддержку и среди современных российских криминалистов. Как полагает, например, П. С. Яни, действия истца, который после предъявления заведомо неосновательного имущественного иска представляет суду сфальсифицированные документы и совершает иные намеренные действия для вынесения решения о его удовлетворении, помимо квалификации по ст. 303 либо 307 УК РФ, «становятся способом введения в заблуждение суда относительно материально-правовых оснований имущественных требований, т. е. образуют, помимо составов преступлений против правосудия, еще и состав мошенничества» [7, с. 30].

О том, что адресатом мошеннического обмана может быть не только потерпевший от хищения, но и юрисдикционный орган, говорит и И. В. Ильин. «В отдельных случаях мошенники завладевают имуществом или правом на имущество путем непосредственного общения с потерпевшим или путем использования информационных технологий (компьютерное мошенничество), но особым

видом мошенничества, — размышляет ученый, — являются случаи, когда злоумышленники в качестве средства совершения преступления используют институты судебной власти (курсив наш. — В. П.)» [8, с. 18]. Им же предложено дополнительно дифференцировать ответственность за мошенничество в ст. 159 УК РФ путем введения нового квалифицирующего признака — «совершение мошенничества путем использования заведомо незаконного судебного решения или иного правоустанавливающего решения, принятого уполномоченными органами власти, которыми за лицом признается право на имущество» [9, с. 13].

К сожалению, те ученые, которые не видят какой-либо упречности в квалификации по ст. 159 УК РФ фактов завладения чужим имуществом путем обмана суда, соответствующую свою позицию, по сути, лишь постулируют. Однако правилен ли такой взгляд? И укладывается ли такое понимание мошенничества, разделяемое и судебной практикой, в рамки буквального смысла его законодательного определения, изложенного в ч. 1 ст. 159 УК РФ?

Следует отметить, что и советский, и российский законодатели давали и дают фактически одинаковые определения мошенничества как завладения чужим имуществом путем обмана или злоупотребления доверием. Имеющиеся различия описания основного состава мошенничества в утративших силу «советских» УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. и в ст. 159 действующего Кодекса заключаются не в способе совершения этого хищения, а в дифференциации ответственности за него во всех УК РСФСР в зависимости от форм собственности, которые в СССР в силу ряда идеологических и политических причин по-разному регулировались и охранялись. Так, ст. 93 УК РСФСР 1960 г. устанавливала ответственность за хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества, и находилась в главе второй Особенной части Кодекса, а ст. 147, предусматривавшая ответственность за фактически то же самое деяние, но в отношении личной собственности граждан, размещалась в главе пятой «Преступления против личной собственности граждан». Отсюда, не утратили своей актуальности специально посвященные исследованию проблематики уголовно-правовых средств охраны собственности труды советских и российских ученых.

Как писал, например, Г. Н. Борзенков, характеризуя активный обман при совершении мошенничества, «активную форму обмана целесообразно

было бы охарактеризовать с объективной стороны как искажение истины. ...Создание мошенником у потерпевшего неверных представлений о явлениях действительности, о свойствах предметов или лиц — это и есть искажение истины... Содержание мошеннического обмана составляют обстоятельства, в отношении которых мошенник вводит в заблуждение потерпевшего» [10, с. 30—31]. Этот же ученый уже в постсоветское время, применительно к УК РФ 1996 г. и актуальной редакции диспозиции ч. 1 ст. 159 Кодекса, характеризуя мошенничество, писал, что виновный, выполняя данную форму хищения, «завладевает имуществом (или приобретает право на имущество) путем обмана или злоупотребления доверием *собственника или лица, в ведении которого либо под охраной которого находится имущество*» [11, с. 436].

«Потерпевшим в мошенничестве, — пишет Н. А. Лопашенко, — точнее, лицом, в отношении которого был применен мошеннический обман или злоупотребление доверием, может быть только вменяемое и достаточно взрослое лицо, способное осознавать происходящее» [12, с. 125]. Размышляя о совершенствовании соответствующего уголовно-правового запрета, обусловленного и совершенствованием мошенничества в условиях строящегося капитализма, А. Г. Безверхов указывает, что в современном экономическом обороте мошенничество представляет собой «склонение товаропроизводителей к необоснованной безвозмездной передаче имущественных ценностей другим лицам или (и) к явно неэквивалентной мене» [13, с. 9]. Описывая специфику объективной стороны мошенничества, В. И. Лесняк в дополнение к законодательной формулировке отмечает, что «мошенничество — это завладение *чужим имуществом или приобретение права на чужое имущество руками собственника или лица, в ведении или под охраной которого они находились*» [14, с. 89].

Аналогичная позиция относительно адресата мошеннического обмана или злоупотребления доверием, который совпадает с потерпевшим от преступления (собственником, производителем, владельцем похищаемого имущества), отражена и в научно-практической литературе — в частности, в различных комментариях статей действующего УК РФ [15; 16]. Практически единодушно всеми авторами подчеркивается, что «своеобразие данного преступления состоит в том, что с внешней стороны оно проявляется в „добровольном“ отчуждении имущества самим собственником и передаче его преступнику» [15, с. 351]. Однако

наблюдаем ли мы такую «добровольность» при обмане суда для противоправного изъятия имущества, квалифицируемого в соответствии с современными трендами уголовного правосудия по ст. 159 УК РФ?

Весьма показательны в связи с этим судебные заседания Арбитражного суда Приморского края по делу № А51-1386/2014 о несостоятельности (банкротстве) ООО «ДВГСК», в которых рассматривались обособленные псевдоспоры, инициированные фигурантами приведенного выше уголовного дела № 1-2/2022, разрешенного приговором Ленинского районного суда Владивостока от 10 января 2022 г., для целей получения контроля за процедурой банкротства предприятия и захвата его имущества. Как о том можно судить из позиции конкурсного управляющего, изложенной в заседаниях арбитражного суда по рассмотрению обособленных требований, сфабрикованных преступниками на основании подложных доказательств, при рассмотрении всех данных требований лицом, являвшееся единоличным исполнительным органом управления предприятия-банкрота, против удовлетворения данных требований возражало¹. Следовательно, ни о какой внешней «добровольности» передачи имущества в рассмотренном случае не могло быть и речи, поскольку законный представитель потерпевшего от посягательства (должника в деле о банкротстве), квалифицированного следственной и судебной властью как неоконченное мошенничество, очень активно возражал против отъема у него имущества через его узаконение за инициаторами (конкурсными псевдокредиторами) обособленных споров определениями арбитражного суда. На наш взгляд, гораздо более правильным (хотя и тоже отнюдь не идеальным!) и отвечающим букве уголовного закона было бы квалифицировать описанную ситуацию (помимо ст. 303) по ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 3 ст. 161 (со ссылкой для организатора преступления также и на ч. 3 ст. 33) УК РФ, поскольку преступники предприняли попытку изъять имущество цинично, открыто и очевидно для потерпевшего, используя механизмы судебной защиты в качестве способа такого изъятия.

¹ Определения Арбитражного суда Приморского края от 12 августа 2016 г. по обособленному спору по заявлению ЗАО «Фортуна Групп» о признании права собственности на недвижимое имущество, от 6 апреля 2017 г. по обособленному спору Б-ва А. Н. и др. о включении в реестр требований о передаче жилых помещений по делу № А51-1386/2014. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 15.06.2025).

И наконец, возможно ли вообще в таких ситуациях ставить знак равенства между «обманом суда» и тем обманом, который упомянут в ч. 1 ст. 159 УК РФ в качестве особого способа совершения хищения?

Сущность любого обмана, включая криминальный, заключается в том, что одно лицо оказывает на сознание другого лица информационно-интеллектуальное воздействие, сообщая не соответствующие действительности факты или, напротив, умалчивая об истинных фактах и обстоятельствах, чтобы ввести обманываемого в заблуждение (или поддержать его заблуждение), тем самым исказив его истинную волю и добиться такого его поведения, которое будет угодно обманщику [17, с. 57]. При мошенничестве жертва (адресат обмана), как о том пишут исследователи виктимологических причин его совершения, «часто... является „соучастником“ совершенного против него преступления. Действия мошенника зависят от поведения потерпевшего, который своими противоправными или аморальными и виктимными поступками подает „идею“ преступного посягательства, вызывает „огонь на себя“» [18, с. 13].

Однако применимо ли все сказанное к суду как особому государственному органу, который в системе разделения властей по своему конституционному предназначению призван осуществлять правосудие посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства (чч. 1, 2 ст. 118 Конституции РФ)? Едва ли. Разрешая любой спор в любом виде судопроизводства, суд имеет дело со сторонами (истец и ответчик, административный истец и административный ответчик, сторона защиты и сторона обвинения и др.), интересы которых конкурируют и диаметрально противоположны друг другу. В процессе рассмотрения дела стороны оказывают массивное (порой и агрессивное) информационное воздействие на суд, включая манипулирование информацией, которая может быть и ложной. Например, истец и ответчик в гражданском и арбитражном процессе фактически могут давать суду и ложные объяснения; обязанность говорить правду у них отсутствует, и пр. Таким образом, суд, существенную часть деятельности которого составляет познание и исследование фактических обстоятельств дела, априори должен быть готов ко лжи и изначально должен быть настроен критически к любой информации, исходящей от сторон. Поэтому не странно ли размышлять об «обмане судьи», одной из профессиональных компетенций которого должно быть

умение этот обман видеть и раскрывать и который изначально должен быть настроен на этот обман, психологически и профессионально готов к нему? И применима ли описанная выше виктимность к фигуре судьи, сама процедура назначения на должность которого должна, бесспорно, исключать качества, присущие жертве мошеннического обмана?

Думается, внутреннее состояние «обманутого судьи», с помощью которого преступник завладевает чужим имуществом (правом на него), хорошо характеризует строчка из стихотворения классика русской поэзии:

Ах, обмануть меня не трудно!..

Я сам обманываться рад!

Поэтому, безусловно, прав И. В. Ильин, когда пишет (применительно к использованию суда как своего рода «средства» совершения хищения), что «такого рода преступления могут совершаться с использованием коррупционных связей в судебном корпусе» [8, с. 18]. Поэтому, как нам представляется, так называемый обман суда в большинстве случаев либо хорошо спланирован с участием самого суда, либо же является следствием судебской халатности или грубой судебной ошибки.

Однако, безотносительно природы «обмана суда», еще раз подчеркнем, что применение ст. 159 УК РФ для оценки противоправного и корыстного изъятия имущества «руками» суда есть не что иное, как расширительное толкование соответствующего уголовно-правового запрета, пограничное с криминализацией данного деяния и представляющее собой латентное судебское нормотворчество. Последнее же если и уместно в сфере частноправового регулирования, то уж абсолютно неприемлемо в публичной сфере, для которой характерен разрешительный тип правового регулирования, основанный на началах «только это». Подобный разрешительный порядок упорядочивает, прежде всего, деятельность государственных органов и их должностных лиц, вводит их в строгие рамки, исключает возможность совершения ими произвольных действий, особенно в сфере привлечения к любому виду публично-правовой ответственности [19]. Как верно указано А. П. Рожновым, «в предметной сфере регулирования отрасли уголовного права любое скрытое, судебное-келейное „законотворчество“ девальвирует идею справедливости уголовного закона, компрометирует публичную власть» [20, с. 129].

Исходя из сказанного, полагаем, что вместо использования механизмов применения норм Особенной части УК РФ по аналогии или их расширительного истолкования необходимы измене-

ния уголовного закона, в частности за счет дополнения «традиционных» форм хищения в главе 21 действующего УК РФ такой новой его формой, которая в качестве способа совершения хищения

предполагает использование преступником процессуальных механизмов судебной защиты при изъятии чужого имущества или получении права на него.

1. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. Москва: Юрид. лит., 1975. 327 с.

2. Судебная практика как источник права: [сб. ст.] / Б. Н. Топорнин, Э. Серверэн [и др.]. Москва: Юристъ, 2000. 158 с.

3. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). Москва: Юрлитинформ, 2007. 352 с.

4. Лобанова Л. В. Фальсификация доказательств // Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 216—228.

5. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. Общая характеристика и классификация: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 62 с.

6. Голикова А. В. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности // Преступления против правосудия (глава 31 УК РФ): монография / под ред. Н. А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2023. С. 294—316.

7. Яни П. С. Вопросы квалификации мошеннического обмана суда // Законность. 2024. № 2. С. 26—30.

8. Ильин И. В. Недобросовестное использование права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 11. С. 18—20.

9. Ильин И. В. Теоретические основы борьбы с мошенничеством, совершаемым в экономической сфере (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011. 59 с.

10. Борзенков Г. Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации). Москва: Юрид. лит., 1971. 168 с.

11. Борзенков Г. Н. Преступления против собственности // Курс уголовного права. Особенная часть: учебник для вузов. Т. 3 / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. Москва: Зерцало-М, 2002. С. 386—468.

12. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). Москва: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.

1. Judicial practice in the Soviet legal system. Red. by S. N. Bratus. Moscow: Juridical literature; 1975: 327. (In Russ.).

2. Topornin B. N., Serveren E. (et al.) Judicial practice as a source of law. [Collected articles]. Moscow: Jurist; 2000: 158. (In Russ.).

3. Malinovsky A. A. Abuse of subjective right (theoretical and legal study). Moscow: Yurlitinform; 2007: 352. (In Russ.).

4. Lobanova L. V. Falsification of evidence. In: Gorelik A. S., Lobanova L. V. Crimes against justice. Saint Petersburg: Legal center "Press"; 2005: 216—228. (In Russ.).

5. Lobanova L. V. Crimes against justice. General characteristics and classification. Textbook. Volgograd: The Volgograd State University Publishing House; 2004: 62. (In Russ.).

6. Golikova A. V. Falsification of evidence and results of detective activities. In: Crimes against justice (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation). Monograph. Red. by N. A. Lopashenko. Moscow: Yurlitinform; 2023: 294—316. (In Russ.).

7. Yani P. S. The issues related to qualification of fraudulent deception of the court. Legality, 26—30, 2024. (In Russ.).

8. Ilyin I. V. Dishonest using the right to judicial protection in the civil and arbitration proceedings. Arbitration and civil procedure, 180—20, 2006. (In Russ.).

9. Ilyin I. V. Theoretical foundations to combat fraud committed in the economic sphere (criminal law and criminological issues). Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2011: 59. (In Russ.).

10. Borzenkov G. N. Liability for fraud activity (qualification issues). Moscow: Juridical Literature; 1971: 168. (In Russ.).

11. Borzenkov G. N. Crimes against property. In: Criminal law course. Special part. Textbook for universities. Vol. 3. Red. by G. N. Borzenkov, V. S. Komissarov. Moscow: Zertsalo-M; 2002: 386—468. (In Russ.).

12. Lopashenko N. A. Crimes in the economic sphere: author's commentary on the criminal law (section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation). Moscow: Wolters Kluwer; 2006: 720. (In Russ.).

13. Безверхов А. Г. Мошенничество и его виды: вопросы законодательной регламентации и квалификации // Уголовное право. 2015. № 5. С. 8—14.

14. Лесняк В. И. Объективные признаки мошенничества // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. № 1 (7). С. 85—91.

15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ген. прокурора РФ Ю. И. Скуратова и Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева. Москва: ИНФРА-М: НОРМА, 1996. 832 с.

16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова [и др.]; отв. ред. А. И. Рарог. Москва: ТК Велби: Проспект, 2004. 640 с.

17. Сабитов Р. А. Противоправные обманы: монография. Москва: Юрлитинформ, 2024. 520 с.

18. Астафьев К. В. Виктимологический аспект мошенничества (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 22 с.

19. Алексеев С. С. Теория права. Москва: БЕК, 1993. 224 с.

20. Рожнов А. П. К вопросу о признании судебной практики юридическим источником уголовного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2012. № 1 (16). С. 123—130.

Пономарев Вячеслав Геннадиевич,

старший преподаватель
кафедры уголовного права
Волгоградского государственного
университета;
ponomarev@volsu.ru

13. Bezverkhov A. G. Fraud and its types: issues of legislative regulation and qualification. Criminal law, 8—14, 2015. (In Russ).

14. Lesnyak V. I. Objective features of fraud. Bulletin of Chelyabinsk State University, 85—91, 2004. (In Russ).

15. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Red. by Yu. I. Skuratov, General Prosecutor of the Russian Federation, and V. M. Lebedev, Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation. Moscow: INFRA-M; NORMA; 1996: 832. (In Russ).

16. Gracheva Yu. V., Ermakova L. D. (et al.) Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Red. by A. I. Rarog. Moscow: TK Velbi; Prospect; 2004: 640. (In Russ).

17. Sabitov R. A. Illegal deceptions. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2024: 520. (In Russ).

18. Astafiyev K. V. Victimological aspect of fraud (criminal law and criminological research). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Kazan; 2007: 22. (In Russ).

19. Alekseyev S. S. Theory of law. Moscow: BEK; 1993: 224. (In Russ).

20. Rozhnov A. P. On the issue of considering judicial practice as a legal source of criminal law. Science journal of VolSU. Jurisprudence, 123—130, 2012. (In Russ).

Ponomarev Vyacheslav Gennadiyevich,

senior lecturer at the department of criminal law
of the Volgograd State University;
ponomarev@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 01.07.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *